

СМИРИТЕЛЬНАЯ РУБАШКА ДЛЯ ГЕНИЕВ

СМИРИТЕЛЬНАЯ РУБАШКА ДЛЯ ГЕНИЕВ

Сергей АРНО

16+

Сергей Арно

Смирительная рубашка для гениев

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Арно С.

Смирительная рубашка для гениев / С. Арно — «ЛитРес: Самиздат», 2013

В России бесследно пропадают Виктор Пелевин, Михаил Веллер, Дмитрий Быков, а за ними и другие известные писатели. Ходят слухи, что похищают их инопланетяне, что уничтожает их бездарный и завистливый писатель-маньяк, что ФСБ собирает самых талантливых писателей для разработки какого-то нового интеллектуального оружия. Будто бы литературная фантазия, сконцентрированная в одном месте, в одно время и на одну тему, может создать мощный мыслеобраз, способный оживлять мёртвых. На оживление в очереди стояли Столыпин и Пётр Первый, Пушкин, Сталин и Ленин. Будто бы для этого даже выкопали останки кого-то из них. Домыслов было множество. Но действительность оказалась куда более реалистичной и чудовищной.

© Арно С., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	25
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Всем, кто имеет дело с бредовыми больными, лучше занимать такую позицию: не пытаться опровергнуть бред, но и не соглашаться с ошибочными утверждениями.

В.БРАГИНСКИЙ, заслуженный врач РФ, психоневролог, кандидат медицинских наук.

В представлении древних народов, искусство и литература, способные овладевать душами людей, вселять в них печаль и радость, гнев или умиротворенность, считались сродни чародейству. Поэтов и писателей окружали мистическим ореолом, а в их произведениях видели отражение древних тайных знаний, современную мудрость и зашифрованные предсказания будущего. Поэты и писатели уподоблялись богу, творящему из хаоса гармонию.

Т.МУРАВЬЕВА, Сто великих мифов и легенд.

В самом исчезновении писателя Виктора Пелевина не было бы ничего странного: как человек своеобразного поведения, он пропадал часто, без видимых причин, и не являлся любителем гламурных тусовок. Кроме всего прочего, он нередко отлучался в зарубежные поездки, и на исчезновение его можно было не обратить внимания, если бы не последовавшие за этим странные события.

Вслед за пропавшим Пелевиным потянулись и другие известные и не очень известные широкому кругу, но уважаемые в литературных сообществах писатели. Писатели стали пропадать по всей стране. В Москве и Новосибирске, Петербурге и Костроме... Сначала они переставали посещать литературные тусовки, презентации и фуршеты, а потом и вовсе пропали из поля зрения их читателей и почитателей. Так, были отмечены исчезновения Михаила Веллера, Валерия Попова, Александра Мелихова, Марии Семенович, Дмитрия Быкова, Александра Кабакова, Семена Альтова, Бориса Акунина и многих других. В короткий срок страна лишилась известных и значительных писателей. Нельзя сказать, что страна это лишение заметила, ведь массовая культурка продолжала свое победоносное шествие. Попса как ни в чем не бывало продолжала петь свои песни, танцевать, устраивать шоу – тусоваться, да и авторы бульварных романчиков, сценаристы сериалов, словно бы даже обрели второе дыхание, приободрились и неистово зашуршали компьютерной клавиатурой: теперь у них не было конкуренции. Хотя какая у попсы конкуренция? Разве кто больше силикона в себя натолкает, губы растопырит, да физиономию растянет до неузнаваемости.

Ходили разные слухи, например, что похищают лучшие писательские умы инопланетяне (куда же теперь без них), что уничтожает их бездарный писатель-маньяк, завидующий их известности и таланту, поэтому расследование держится в строжайшей тайне, чтобы не спугнуть злодея. Но самым, пожалуй, устойчивым был слух о том, что ФСБ собирает самых талантливых писателей для разработки какого-то нового сверхъестественного интеллектуального оружия, как-то связанного с нанотехнологиями. Будто бы литературная фантазия, сконцентрированная в одном месте, в одно время и на одну тему, может создать мощный мыслеобраз, способный не только действовать на гигантских расстояниях как разрушительная или созидательная сила, но и даже оживлять мертвых. Вот об оживлении мертвых ходило как раз таки больше всего слухов. Некий физик написал в Интернете на эту тему обширнейшую и заумнейшую статью, которую приняли за истину почему-то сразу, хотя какой только в Интернете фигни не пишут. А тут общественность вдруг поверила! В том, кого именно собирались оживлять писатели силой своей фантазии, мнения расходились. Фигурировали фамилии Столыпина и Петра Первого, Пушкина и Сталина. Будто бы для этого даже выкопали останки кого-то из них. Домыслов было множество.

Но, так или иначе, писатели исчезали, и это был факт.

Часть первая

Глава 1

Общая тетрадь для романа

Исчезновение писателей продолжается

Я уже час сидел перед открытой тетрадью, обдумывая начало нового романа, но не написал пока ни строчки. В голову лезли какие-то кровавые ужасы. Ну почему не начать с чего-нибудь романтического: встречи влюбленных, чтобы зеленела травка, чтобы пели птички... Хотя уж наверняка они по ходу сюжета все равно рано или поздно погибнут трагически – зачем вводить читателя в заблуждение. Теперь редкая книга обходится без трупа, даже детская, разве только любовный роман, и то не каждый.

У меня была устоявшаяся с юности привычка писать в общей тетради. Задумывая новый роман, я шел в канцелярский магазин выбирать себе общую тетрадь с девьюнста шестью листами и обязательно в клеточку. Я имел очень мелкий убористый почерк, и в школе учителя всегда удивлялись, как я ухитрюсь писать столь мелко, но разборчиво. А я и сам не знаю, отчего у меня так получалось. Каждое произведение обязательно начинал в новой тетради, даже если это был рассказ на пяти страницах, тетрадь эту я уже не продолжал, а ставил на полку. Разумеется, предварительно перепечатав рассказ на компьютере. Но сразу писать на компьютере даже не помышлял, да у меня наверняка бы и не получилось. Бледные клеточки общей тетради навевали вдохновение, бывало, я писал, не задумываясь, в течение нескольких часов подряд, как бы выпадая из жизни. И откуда только брались мысли, идеи, образы?... Это великая тайна, каким образом рождается художественное произведение, из каких уголков моего тела или вселенной приходит та или иная мысль. Мне иногда казалось, что приходит это, минуя мой мозг.

Я отвел глаза от ряби клеточек и посмотрел в окно. За окном был конец мая, значит, лето еще впереди. А что может быть лучше, когда впереди лето. Только когда лето впереди! И здесь от перемены слов местами смысл не менялся. С моего третьего этажа был виден скверик и весь двор-колодец, большой вяз, растущий посередине, и скамейка под ним, на которой сидели молодой человек с девушкой; у нее на коленях букет роз, он обнимал ее за плечи и что-то проникновенно шептал на ухо. Знакомый вроде молодой человек какой-то.

Из парадной вышел мой сосед по площадке Георгий Сергеевич, мы частенько играли с ним в шахматы.

А ведь нас окружает здоровая, полноценная жизнь. Я снова посмотрел на молодых людей: люди влюбляются, женятся, заводят детей,.. а я в свои тридцать пять лет не женат и все вот сижу, чего-то придумываю, пишу романы, повести. и всякую ерунду. Наверное, в уходе от реальности в литературу есть нечто патологическое. А на улице весна! И почему в моих романах обязательно кто-нибудь кого-нибудь убивает, или немыслимые похабности совершаются. А эти вон молодые люди сидят на скамеечке, и им все по барабану. Вот жизнь! Он, скорее всего, менеджер в торговой организации, она. ну, она, наверное, тоже менеджер: у нас уже давно страна менеджеров, и новый Ильич наверняка выдвинет лозунг <Менеджеры всех стран, объединяйтесь!>. Вот же сидят два влюбленных друг в друга менеджера- романтика.

Девушка внезапно отпрянула от молодого человека, вскочила, что-то гневно прокричала ему и вдруг хлестнула букетом цветов по голове, он поднял руки, защищая лицо от роз. Жалко это выглядело, как-то ничтожно. Девушка швырнула в молодого человека цветы и пошла прочь не оглядываясь.

Я вновь повернулся к раскрытой тетради. Написал пару строк, но тут же перечеркнул. Нет, так роман начинать было нельзя.

Роман вообще начинать было нельзя. Кому теперь нужно то, что я пишу? Не хотелось попадать в огромную помойку, которая называется фантастическая серия, где мое произведение затеряется среди гляцевых обложек-фантиков с окровавленными мордами, бластерами, звездолетами, грудастыми девицами, мускулистой плотью и прочей фантастической ахинеей, которую пишут километрами и тоннами малообразованные бездарные авторы, и только единицы из них действительно достойны внимания. В последнее время я все острее чувствовал, что раскрутка как автора мне не нужна, всякая раскрутка подразумевает выпуск не менее четырех книг в год. А я прекрасно понимаю, что четыре книги в год писать невозможно, если, конечно, не нанять молодых журналистов, которые будут писать под одним именем, но это уже к литературе отношения не имеет.

Звонок в дверь прервал мои тягостные размышления.

– Привет. Вот зараза! Я ведь с ней по-хорошему. – В прихожую вошел Кирилл и захлопнул за собой дверь. – Я ведь ей честно сказал, что полюбил другую, цветы принес.

Плечи его были осыпаны лепестками роз. это я образно, конечно. Один лепесток все-таки прилип к плечу.

– Так это ты у меня под окном с девушкой сидел? Сверху-то я не разглядел.

Я щелчком сбил лепесток.

– Ну, слушай, какие дуры все-таки встречаются, нет бы я ей наврал, – он прошел за мной, уселся на диван, вытянув через всю комнату ноги. – А то чистую правду сказал: любовь ведь не постоянна. Но правда, оказывается, никому не нужна.

Кирилл был весь длинный – длинные руки, ноги, вытянутая голова... Но это была только иллюзия: на самом деле Кирилл средненького роста и средненького телосложения. Как так получалось – никому неизвестно. Правда, за мольбертом, когда писал очередную картину, он действительно выглядел огромным, словно его распирало что-то изнутри.

– Твоя-то любовь точно не постоянна.

Любовь у Кирилла была вроде спорта – тройных прыжков в длину. Красиво разбежался, мощный толчок, другой ногой, и последний со взмахом рук, элегантно изогнув в воздухе тело, полет. Я лечу! И тут же падение, и всегда в песок, и всегда почему-то лицом.

– Это-то фигня, вот шипы, – он почесал голову. – Поцарапала. Бывало, правда, хуже.

Бывало намного хуже! Случалось, что брошенные женщины звонили ему по телефону круглые сутки, присылали предсмертные письма по электронной почте, кричали под окнами всю ночь, пока соседи не вызывали милицию. Но бывало совсем плохо, когда приходилось разбираться с их мужьями. От этого Кирилл перенес три операции – два раза были поломаны руки, один раз нога, челюсть и нос, проломлен череп в трех местах, но он не успокаивался. Красиво разбежался, затем мощный толчок, еще толчок и полет. и лицом в песок.

Кирилл взял с дивана открытую книгу, посмотрел на обложку.

– <Записки сумасшедшего> перечитываешь? А я вот вообще последнее время книг не читаю, да и читать нечего. Выродились писатели, вот ты только один и остался, и то ненадолго. – что-то злобное вдруг мелькнуло у него в глазах, не просто так он сказал это, да и пришел по всей вероятности, не просто так, а сейчас сидит, зубы заговаривает: – Кстати, чего новенького написал?

– Да вот новый роман начинаю.

Я кивнул на лежащую передо мной тетрадь.

– Ну, здорово... Кстати, ты слышал, что Сорокин пропал?

Ах, вот в чем дело. Значит, вот чем он пришел настроение портить.

– Сорокин? – я пожал плечами. – Это который <Голубое сало>? Не спрашиваю, куда пропал, ты бы сам сказал.

– Да, и не только он.

– Запил, наверное. От такой литературы, как у него, запьешь.

– Не страшно? – Кирилл пристально смотрел мне в глаза.

– Так-то писатели известные исчезают, а мне нечего бояться – меня мало кто знает.

– Ты, наверное, чего-то не понимаешь! – вдруг воскликнул Кирилл, яростно хлопнув себя рукой по колену, встал и подошел ко мне. – Вот ты не понимаешь, – он потряс перед моим лицом руками. – Они ведь забирают не тех, кто известен или не известен, они забирают тех, кто не вписывается в их идеологию! Они забирают лучших из вас, так называемый <не формат>. Ведь и за нас, художников, когда-нибудь возьмутся, и за музыкантов и за кинематографистов... С вас только начали! И нам этого тоже не избежать!

Он продолжал горячо растолковывать мне то, о чем я знал уже давно. Уже несколько месяцев в Петербурге исчезали писатели. Только поначалу казалось, что касается это исключительно Петербурга, оказывается, то же происходило и в других городах России. Сколько-нибудь разумного объяснения этому явлению найти было невозможно. Пропал кое-кто и из моих знакомых и малознакомых. Одной из первых исчезла Света Мосова – писательница, хотя по литературным меркам молодая, но одаренная. Муж поначалу обзванивал морги, больницы, но, написав заявление в милицию, успокоился и стал ждать результатов. За ней или даже в одно с ней время пропала Юлия Андреева, ее мать терялась в догадках. Но здесь возможно была причина романтическая. Пропали Валерий Попов, Павел Крусанов, Сергей Носов, Сергей Махотин. Совет Союза писателей на каждом ежемесячном собрании не досчитывался одного-двух членов. И никто ничего не знал. Никто – ничего! Но так только казалось: в воздухе витало какое-то ощущение заговора. Кого с кем? Против кого? Кто-то что-то знал, но не хотел, чтобы это знали другие. Почему? Этим вопросом задавались многие. В атмосфере нависло что-то трагическое и неотвратимое.

– Не страшно? – снова повторил Кирилл, прямо глядя мне в глаза.

Как же не страшно? Страшно! Еще как страшно. Временами. потом проходит.

– Ну, что молчишь? – не отставал Кирилл. Да что он привязался-то? Страшно – не страшно.

Я взял в руки лежавший на столе справочник Союза писателей, пролистнул его.

– Вон тут сколько <властителей дум>, четырехста человек. А мы из-за десятка волнуемся. Я думаю, где-то в пригородном пансионате собралась неплохая компания. Пьют водку, болтают о литературе, закусывают, падшие женщины хороводы водят.

– Под присмотром Архангелов, – перебил Кирилл, резко вдруг успокоившись и усаживаясь на диван. – А пансионат – на том свете.

– Да прекрати ты фигню пороть! – рассердился я, – может быть, действительно проводят опыты по сублимации интеллектуальной энергии. Это же дело секретное!

– А почему детективщиков и дамских романистов не берут?

– Так интеллектуальной энергии. У них, наверное, там тоже своя приемная комиссия имеется, как у нас в Союзе писателей. Отбирают по рекомендациям. А вообще, знаешь, у меня до твоего прихода такое чудное настроение было, а ты пришел и все загадил.

– Удивительный ты человек, – Кирилл развел руками, – твоих товарищей похищают, а ты в ус не дуешь.

– Да с чего ты взял, что похищают, может, они по собственному желанию туда отправляются? Если бы похищали, милиция во всю бы уже искала. Я новый роман начал, а ты мне мозги загаживаешь.

– Про что роман? Я пожал плечами.

– Про что еще точно не знаю. Но труп где-нибудь вылезет, может даже не один.

– Ну, тогда живи спокойно, если трупную попку пишешь про стреляк и драчил, никому не понадобится, – Кирилл поднялся. – Может оно и к лучшему. Пойду.

Я вышел за ним в прихожую.

– Ты правильно сделал, что на попсу переквалифицировался, – зло продолжал он, надевая ботинки. – Вряд ли писателей в пансионате разместили, тут что-то похуже. Да ты и сам это понимаешь.

Он открыл дверь и вышел на лестницу.

Сосед по площадке Георгий Сергеевич, в спортивном костюме и тапочках, протирал тряпкой дверную ручку.

– Здравствуйте, – повернувшись в мою сторону, он манерно поклонился.

Кирилл кивнул и, озадаченный побежал вниз по ступенькам, но, пробежав пролет, вдруг остановился и задрал голову вверх, прокричал:

– Готовься, тебя тоже вычислят.

– Заходите вечерком, – предложил Георгий Сергеевич, – В шахматы сыграем. – Но, увидев мое озабоченное лицо, вдруг спросил. – У вас что-нибудь случилось? Может быть помочь?

Настроение у меня было испорчено окончательно, но я нашел в себе силы сесть за письменный стол и открыть тетрадь.

Для начала я решил составлять план будущего романа: У одного из героев – молодого человека тридцати пяти лет по имени Андрей – при загадочных обстоятельствах умирает невеста, и он, расстроенный таким печальным событием, собирается поехать к морю, чтобы немного развеяться. Но его друг Макс утверждает, что курорты Египта ему не помогут, что такого рода недуги следует лечить на нашей почве и уговаривает Андрея лечь в психиатрическую больницу, чтобы разогнать грустные мысли, мол, он сам каждый отпуск там проводит. Его дядя-психиатр по благу выпишет направление, и пару недель Андрей сможет беззаботно за бюджетный счет балдеть на всем готовеньком. Кормят там хорошо, медсестры молоденькие. а Макс обещает навещать его и приносить передачи. Но в этой больнице, по словам Макса, есть тайное отделение, на котором проводят какие-то бесчеловечные опыты над психически больными людьми: имеющими целью свержение нашего демократического строя, чтобы вернуть все в русло социалистическое, и он хочет, чтобы Андрей подробно разузнал об этих опытах. Макс уговаривает его долго, тот в конце концов соглашается.

На этом и застрял. Я совершенно не представлял быт психиатрической больницы. Однажды только, в детстве, лежал в клинике с гландами, но этого моего жизненного опыта было явно не достаточно. В своих размышлениях промучился до вечера.

Без четверти шесть позвонил Георгий Сергеевич.

– Не отвлекаю? Не имеете ли желания сыграть партию в шахматы?

– Пожалуй, что и имею, – принимая его витиеватую форму речи, ответил я, – вот только душ приму и зайду.

Хотя сегодня я не планировал играть в шахматы, ко мне должна была прийти дама, но из командировки неожиданно вернулся ее муж, и встреча сорвалась. А жаль, уже и водка куплена.

Георгий Сергеевич встретил меня как всегда в черном атласном халате до пола. Вид он имел довольный.

– Вы не представляете, что сейчас вам покажу, – сказал он прямо с порога, загадочно улыбаясь. – У меня появилось удивительное существо.

Я прошел вслед за ним через комнату. Возле окна стоял большой террариум.

– Полюбуйтесь! Вот это чудо мне подарили друзья.

В углу, за мутным стеклом террариума, свернувшись, лежало что-то черное.

– Змея? – спросил я, приглядываясь.

– Это африканская черная мамба. Укус ее смертелен, человек умирает в течение двадцати минут от удушья.

Георгий Сергеевич постучал по стеклу, но змея не пошевелилась.

– А если она выползет?

– Да как же? Террариум ведь закрыт, – резонно возразил Георгий Сергеевич. – Если только специально выпустить или стекло разбить.

– Как это вы в доме гадость такую держите, – я поморщился.

– С детства обожаю змей, у меня бывало одновременно по пять гадюк жило. Родители всячески пытались отвлечь меня от земноводных гадюк, покупали хомячков. Но я их выпускал или змеям скармливал. Ладно, пойдемте: шахматы уже ждут. Кстати, – сделав свой ход, заговорил Георгий Сергеевич чуть смущенно, – может быть, я поступил не очень тактично, дав две ваших книги почитать одному моему знакомому.

– Ну-у, отчего же не тактично, – возразил я. – Всякому писателю важно, чтобы его читали. Я тоже сделал ход.

– Его заинтересовало то, что вы пишете, – продолжал Георгий Сергеевич, – и он хотел бы с вами встретиться.

– Ну что же. Можно и встретиться. Только зачем?

– У него несколько, как бы сказать, специфическая профессия. Прочитав ваши книги, ему показалось, что вы можете быть полезны друг другу.

– А кем он работает?

– Он психиатр, начальник отделения. Знаете больницу у Финляндского вокзала?

– Психиатр! – воскликнул я. – Вот это удача! У меня как раз герой попадает в психиатрическую больницу, а я совершенно не знаю, что там происходит. А туда на экскурсию можно попасть?

– Конечно, он вам все покажет, все расскажет. Не думал я, что вы согласитесь так запросто. Психиатрия – наука мутная. Против нее у многих существуют предубеждения, что чуть ли не каждого можно подвести под психиатрическую статью и, если уж туда попал, то и не выберешься никогда. Там обязательно найдут, от чего тебя лечить.

Я улыбнулся.

– Я так не считаю.

– А зря. – как-то вдруг погрузнев, сказал Георгий Сергеевич.

Глава 2

Мир перевернутых смыслов

Ангел со шрамом

Внезапно Аркадий проснулся среди ночи. Было тихо и как-то глухо. Во двор-колодец, куда выходили окна квартиры, не доносилось шума улицы. На столе в старинном канделябре горели свечи, призрачные тени бродили по стенам, увешанным старинными картинами. Однако, горящие свечи почему-то не удивили Аркадия, и то, откуда взялся этот канделябр и картины в позолоченных рамах, да и стол был не его, а с гнутыми ножками благородного красного дерева. И хотя обстановка была совсем не та, в которой он ложился спать, Аркадий знал точно, что это его комната. Не удивил его и сидящий в вольтеровском кресле незнакомый мужчина в красном камзоле, высоких сапогах со шпорами, на спинке кресла висела шляпа с перьями. А шпага?.. Где-то обязательно должна быть шпага. Ах, вот она стоит, прислоненная к подлокотнику кресла.

С виду был он не стар и не молод, лет около пятидесяти, но волосы на голове совершенно седые. Прямой нос с горбиной и прямой взгляд добрых глаз выдавал человека благородного, и только шрам на правой щеке выглядел зловеще. Гость смотрел на Аркадия и молчал. Аркадий, притворяясь спящим, сквозь прищуренные глаза некоторое время наблюдал за незнакомцем. <Ну, кажется, пора вставать>, - подумал он, сел в кровати и спросил то, что на его месте спросил бы любой, увидев в своей комнате чужого человека:

– Что вы здесь делаете? Незнакомец чуть помедлил с ответом.

– Да вот, друг мой, жду, когда вы проснетесь. Не обидно спать в такую прекрасную ночь? На небе полная луна, а вы спите – стыдно.

Аркадий посмотрел в окно и, правда, увидел на светлом небе полную луну, хотя никогда прежде луна не заглядывала так глубоко в их колодец, да и неба видно не было.

– Сейчас самое время для философских бесед при свечах, когда шум дня угас, и мысли текут медленно и вглубь. В такие ночи самые чистые мысли?

– Когда кругом темно, тогда в голове светло, – сказал Аркадий, хотя и не собирался этого говорить – само вырвалось.

– Совершенно с вами согласен, – незнакомец, протянув руку с перстнем на безымянном пальце, отделил от грозди в хрустальной вазе ягоду черного винограда и положил в рот. – Кстати, не хотите ли винограда? Виноград, особенно черный разжижает дурные мысли.

– У меня и мыслей никаких нет, разжижать нечего. А вы вообще-то кто? – набравшись смелости, спросил Аркадий. – Сидите тут у меня за столом, как родственник какой-нибудь, едите мой виноград. – хотя и знал, что винограда-то у него никого нет, да и мебель, и картины, и все прочее тоже не его, а незнакомец натащил все это, пока он спал.

– Я?! – искренне удивился незнакомец, и брови его поднялись вверх. – Я не родственник, я Ангел. Он проговорил это так обыденно, естественно и просто, как будто в этом не было ничего удивительного, как будто Аркадий по несколько раз в день встречал Ангелов. Как будто Ангелы жили среди людей, и люди об этом знали. А может быть они действительно жили, но люди об этом не знали.

– Интересно, – сказал Аркадий, выбрался из кровати, сунув ноги в тапки, и, как был в трусах и футболке с цифрой тринадцать на спине, в которой он любил спать, подсел к столу. – А чем докажете?

– Ничем, – сказал гость. – Чем доказывать, давайте лучше чаю выпьем.

На столе действительно оказались две фарфоровые чашки с горячим чаем. Аркадий не чувствовал никакого неудобства от того, что сидя в трусах, пьет чай с незнакомым человеком,

называющим себя Ангелом, что обстановка его комнаты вместе с набитой тетрадами полкой куда-то исчезла, на душе у него было как-то уютно и спокойно.

– Очень жаль, – вдруг сказал Ангел со шрамом, ставя чашку на блюдце и расправляя кружевной манжет белоснежной рубашки.

– Что жаль? – спросил Аркадий, пожав плечами.

– Жаль, что человечество, друг мой, пошло по неправильному пути развития. Когда-то у людей был выбор: идти по пути света или идти по пути тьмы, человечество выбрало середину. Этот путь устраивает многих, но не меня. Да я вижу: и вас тоже не устраивает, – Ангел внимательно посмотрел в глаза Аркадию, но тот ничего не ответил, и он продолжал. – Мы, Ангелы, избрали положение невмешательства – пусть люди идут своим путем, а мы смотрим на это со стороны и ждем, чем все кончится.

– Что вы имеете в виду? – Аркадий сделал глоток чая. – Я не избирал никакого пути.

– Разве?! – он поднял брови. – Впрочем, может быть, я ошибся, – некоторое время он молчал, поигрывая серебряной ложечкой. – Это нелегко объяснить, – продолжил он, глядя куда-то в сторону окна. – Как известно, дьявол заменитель смыслов. Он либо заменяет смысл на прямо противоположный, либо предоставляет лазейку, в которую втекает другой смысл, замутняя чистоту истины.

– Ну, допустим, но я все равно не понимаю, о чем вы говорите, и вообще, я, наверное, спать хочу, – зачем-то добавил он, хотя сна и не было ни в одном глазу.

– Сейчас попробую объяснить на примере, – не услышав или не пожелав услышать слова собеседника, продолжал Ангел со шрамом. – Никто не сомневается в том, что разбойники, врывающиеся в ваш дом, которые грабят и убивают ваших близких, заслуживают в лучшем случае изоляции от общества.

– Ну, допустим, это всем понятно. Аркадий сделал еще глоток чая.

– Да, это понятно всем, и никому в голову не приходит награждать этих убийц и грабителей, ставить им памятники, называть их именами улицы и города. Тогда объясни мне, почему люди считают обычным делом ставить памятники завоевателям? По всем разумным законам человечество должно проклясть Александра Македонского, Чингиз Хана, Наполеона, Петра Первого. Ведь это они вторглись в чужие земли, они погубили сотни тысяч людских жизней. Человечество должно выжечь и вытравить, все, что связано с напоминанием о них, чтобы кто-нибудь из будущих правителей не придумал совершить что-нибудь подобное.

Собеседник замолчал, глядя на Аркадия.

– Я в истории не очень, – признался Аркадий. – Остальные ладно. но Петр Первый, между прочим, Петербург построил, вон городище какой. да и принес культуру в Россию, уж об этом-то все знают.

– Правильно! – почему-то обрадовался собеседник и топнул каблуком в пол так, что зазвенела шпора. – Правильно вы говорите. Вот это-то и есть лазейка, через которую абсолютное зло пробирается в истину, замутняя ее чистоту, искажая смысл. Он, конечно, злодей и убийца, но он все же сделал что-то хорошее для себя и своего государства. А ведь разбойник, который пришел в твой дом, отняв у тебя и твоих близких, несет награбленное своим детишкам, больной матери, своим друзьям – разбойничкам, падшим женщинам, для которых он хороший. И для них не имеет значения, что для того чтобы стать хорошим для них, он ограбил и убил кого-то постороннего.

– Хорошо. А в чем тогда смысл? – пожал плечами Аркадий.

– В том, что человечество живет в придуманном, перевернутом мире. И все вокруг перевернуто вверх тормашками, но человек уже привык к этому и думает, что мир такой и есть на самом деле. Вы живете в мире перевернутых смыслов.

– Ну не знаю. – как-то неуверенно проговорил Аркадий. – Я привык.

– То, во что беззаветно верят люди сегодня, завтра они с легкостью проклянут и предадут анафеме. В любой момент может перевернуться весь смысл их существования, и они будут жить в другом мире и находить удовольствие в том, от чего совсем недавно приходили в ужас. И это происходит постоянно. Есть даже такие люди, которые переворачивают смыслы... Может быть, вы такой человек. Книга, которую вы пишете, перевернет какие-то смыслы. И в мире все станет не так.

Он отчего-то вдруг встревожился, полез в карман камзола, извлек оттуда золотые песочные часы с серебряными песчинками, внимательно посмотрел на них, потряс перед глазами и спрятал обратно в карман.

– Однако, пора.

Ангел, звякнув шпорами, поднялся, снял со спинки кресла шляпу, в другую руку взял шпагу. Аркадий с интересом наблюдал за его действиями.

– Приятно было познакомиться, – сказал Ангел со шрамом, чуть улыбнувшись одними губами.

Аркадий тоже поднялся. Должно быть, глупо они выглядели со стороны: один – в трусах, шлепанцах на босу ногу, в выгоревшей порванной на боку футболке, заспанный, растрепанный; и этот – расфуфыренный, напомаженный господин в старинном камзоле, высоких дорожных сапогах со шляпой в одной руке и шпагой в другой.

– Ну что же заходите. или залетайте.

Ангел улыбнулся снисходительно и, положив на стол шляпу, протянул для прощания руку, безымянный палец ее украшал массивный золотой перстень с черным камнем, на котором был выбит какой-то профиль.

Аркадий, не пожимая ее, как зачарованный смотрел на перстень: было в нем что-то притягательное и загадочное.

– Вам нравится? – проследив за его взглядом, спросил Ангел. – Я привез его из Александрии, на этом камне вырезан профиль Александра Македонского. Раньше в нем хранился яд, и с этим перстнем связана одна престранная история. Может быть, в другой раз я вам ее расскажу. Однако прощайте.

Рука Ангела оказалась на удивление холодной..

– Что такое?.. – растерянно проговорил я, оглядываясь по сторонам.

За окном было светло, я стоял посреди комнаты в трусах, шлепанцах и футболке,.. протягивая руку в пустоту. Было такое ощущение, что я только что, мгновение назад, пожимал чью-то руку – ладонь была холодной, ноги заледенели, я весь продрог. На цыпочках пробежал к кровати и залез под одеяло. Свернувшись калачиком, долго согревался и, наконец, уснул. И только правая рука моя еще долго хранила ледяной холод рукопожатия – весь следующий день.

Глава 3

Старуха с корытом

Я вздрогнул, открыл глаза, резко сел на кровати. В дверь позвонили, значит, звонок мне не почудился. Холодной, словно бы не своей рукой, я взял с пола будильник, поднес к глазам. Было двенадцать часов дня, надел тапки и, накинув халат, пошел открывать. За дверью никого не было. Заглянул в лестничный пролет, прислушался. Тишина. Странно. Закрыв дверь и с тревожными мыслями пошел готовить завтрак.

От завтрака меня отвлек телефонный звонок.

– Это Кирилл, – услышал я в трубке радостный голос друга. – У меня тут новая информация о твоих коллегах появилась. Оказывается, их собирают для того, чтобы силой мысли преобразовывать образы в материальные ценности. Собравшись в одном месте, они направляют энергию мысли на какой-нибудь предмет.

– Например, на старуху и ее разбитое корыто.

– И мощной струей энергии.

– Превращают ее в столбовую дворянку струей своей.

– Точно! – продолжал горячиться Кирилл. – Это, только представь, какие перспективы открываются. Это ж нанотехнологии. Нигде в мире такого нет. Ну, здорово придумали! Конечно, а кого же для создания мыслеобраза собирать, естественно писателей самых крутых.

– Помнишь концовку истории с корытом?

– Да, брось ты! – возмутился он. – Прорвемся! Россия, вперед! Главное применить научные технологии раньше американцев. Это даже покруче торговли нефтью. Собрались вместе, подумали о том, что основной валютой стал рубль, и завтра весь мир рассчитывается рублями. Даже китайцы.

Я положил трубку. Может действительно все не так скверно, ведь если бы писателей убивал маньяк-графоман, все бы давно об этом знали, а так – они канули в неизвестность. Нет, пожалуй, <неизвестно куда канули> – так лучше.

Днем я созвонился с психиатром Алексеем Алексеевичем, и мы договорились встретиться завтра прямо в больнице, чтобы, так сказать, в их естественной среде ознакомиться с бытом сумасшедших. До самого вечера я обдумывал вопросы, которые буду задавать врачу.

Было два часа ночи. Как-то незаметно для себя я уснул в кресле и, внезапно проснувшись, сразу вспомнил о пропадающих писателях – меня охватило беспокойство. Внизу хлопнула входная дверь. Встав, погасил настольную лампу и подошел к окну. Из парадной вышел мужчина, в слабом свете ночного фонаря его было не разглядеть. Длинный плащ, кепка. Он остановился, прикурил сигарету и, подняв воротник плаща, направился к подворотне, но вдруг, передумав, развернулся и пошел назад в парадную. Я отпрянул от окна, сердце учащенно забилося. Ну, вот – началось. Дверь хлопнула. На цыпочках подкрался к входной двери, приложил к ней ухо. На лестнице тишина. Я, стараясь не шуметь, закрыл дверь на все замки и вернулся в комнату.

<А что собственно нервничать?.. Ну, подумаешь, мужик какой-то в парадную зашел. Если писателей выкрадывает кто-то, почему и меня должны выкрасть?>

Я знал – ночные мысли и чувства обманчивы. Можно всю ночь пугаться каждого стука и скрипа, но это лишь миражи ночи, которые не будут ничего значить утром.

<Нет, нужно ложиться спать, – решил я. – Тем более, завтра меня ждут в сумасшедшем доме.>

Глава 4

Сумеречный город грифонов и ангелов

Второе явление Ангела

– Это опять вы?

Аркадий отогнул одеяло и, шурясь на свет, приподнялся на локте, глядя на гостя.

Ангел сидел за столом красного дерева, в канделябре горели свечи, по стенам – старинные картины в золоченых рамах. Хотя нет, так только показалось спросонья: не было никаких картин в золоченых рамах и тем более стола красного дерева, а была бедняцкая лачуга со столом, накрытым замызганной клеенкой, заставленным посудой с объедками, и свеча горела на столе... свеча горела. не в канделябре, а поставленная на блюде, полное окурков (в этой хибаре даже света не провели), и сидел гость вовсе не в вольтеровском кресле, а на крашеной табуретке, обшарпанной и грязной. Да и одет он был не в средневековые одежды, а в лохмотья, настолько живописно разорванные и засаленные, что им не позавидовал бы самый распоследний бомж, живущий на помойке. Он держал в руках железную миску, из которой поедал что-то с аппетитом руками, не оглянувшись в сторону проснувшегося и уже несколько минут наблюдавшего за ним хозяина комнаты.

– Вас что, ограбили? – спросил Аркадий, спуская с дивана ноги и надевая тапочки.

Ангел со шрамом ел, не обращая на него никакого внимания. И хотя лицо Ангела было в тени, Аркадий точно знал, что это он – просто некому было больше. В тапках на босу ногу, в трусах и футболке с номером тринадцать на спине он подошел к Ангелу, наклонившись, заглянул в его лицо. но тут же отшатнулся, сделал шаг назад. Перед ним сидел мужик с перевязанной грязным шарфом щекой, одутловатым лицом и набухшим синяком под левым глазом. Аркадия вдруг охватила паника и ужас. Да это не Ангел! Что же тогда этот бомж делает в его квартире?

– А где Ангел? – в растерянности, делая еще шаг назад, еле слышно проговорил он.

Но мужик не удостоил его внимания, продолжив трапезу. Аркадию сделалось страшно, панически страшно. Он хотел закричать, но почему-то не смог. Бомж вдруг есть перестал, поставил миску на стол, неторопливо и старательно облизал пальцы, поднял голову и посмотрел на него ясными глазами.

Это был Ангел. И почему Аркадий не узнал его сразу?..

– Фу ты! – он положил руку на сердце и уселся на свободную табуретку напротив гостя. – Я вас сразу не узнал. Смотрю какой-то бомж тут жрет, думаю, чего он ко мне-то притащился, ел бы у себя на помойке. Вас что – ограбили? – он обвел взглядом убогую обстановку жилища Ангела, хотя и знал, что никакое это не жилище Ангела, а его собственная комната.

– Да нет, – пожал плечами Ангел со шрамом. – Трудно ограбить того, у кого ничего нет и не будет, просто такое настроение. Я прихожу всегда в разных обличиях, как приходит Ангел смерти. Кстати, я еще в прошлый раз спросить хотел. А где ваши крылья? Крылья-то должны быть, раз вы Ангел, – полюбопытствовал Аркадий, ставя собеседника в тупик, но собеседника не так легко было поставить в тупик.

– Сложены, – с грустью вздохнул он. – Крылья даются для того, чтобы летать.

– А зачем вы спустились с неба? – продолжал интересоваться Аркадий.

Он снял с ледяной ноги тапочку и поджал ногу под себя.

– Я живу на земле, ведь я плод человеческой фантазии. Ангелы, живущие на небе, и созданы на небе, а я создан на земле. Оглянитесь вокруг. В этом городе множество львов, грифонов, сфинксов.

– И ангелов, – догадался Аркадий.

– И ангелов, – подтвердил гость.

Аркадию вдруг все стало ясно. Ну, конечно! Он всегда подозревал, что этот город наводнен существами из потустороннего мира. Каждый раз, выйдя поздним вечером на набережную Невы, он изумлялся мрачной загадочности этого величественного города. Не обманывали яркие, переливающиеся огни реклам, отутюженные новенькие здания из стекла и бетона, вырastaвшие вдруг посреди города: они выглядели здесь скорее случайными туристами из заморских стран. И Петербург за цветными вывесками, движущимися картинками на огромных рекламных щитах, перемигиванием разноцветных огоньков всегда пасмурен и хмур. Прошлого не спрячешь, оно выглядывает из мрачных подворотен, дворов-колодцев, из-за облупившихся углов, из темных окон и вонючих парадных. Прошлого не вернешь, но и не скроешь.

И за этими яркими рекламами, и за холстами с нарисованными домами, которыми закрывают реставрируемые и разрушаемые здания, за ними грифоны и сфинксы, монстры. и Ангелы. Это только с первого взгляда Петербург нарисован светом и красками, а еще тьмой. Нет. Суть его – сумерки. Люди ходят по улицам странного города в сумерках – словно бы сами в сумеречном состоянии – и, шурясь, вглядываются сквозь свет реклам, в дворцы и мосты, окна и подворотни.

– И Ангелов, – снова повторил Аркадий, глядя на гостя.

– Город полон Ангелов, только нужно увидеть их на кладбищенских памятниках, на церквях и дворцах... Мы – в этом городе, и город – в нас, и мы – этот город.

<Почему так холодно? – подумал Аркадий, обхватывая руками плечи. – Почему холодно? И изо рта пар идет.>

Изо рта действительно шел пар, нужно накинуть что-нибудь на плечи, но Аркадий был уверен, что когда он отвернется за халатом, который висел возле кровати, гость исчезнет.

– Случается, что влюбленные превращаются в Ангелов, – продолжал гость. – И остаются в этом городе навсегда.

– Мне это не грозит, – сказал Аркадий, улыбнувшись грустно. – Я не знаю, что такое любовь. Страсть – это да, женщин я люблю. А любовь? – он пожал плечами. – Наверное, никогда и не узнаю.

– Вы ошибаетесь, вы найдете свою любовь. Очень скоро найдете.

Аркадий удивленно вскинул брови.

– Откуда вы знаете?

– Ее зовут Анжела, она моя давняя знакомая, и я рад, что она выберет именно вас.

– Что за Анжела? Аркадий пожал плечами.

– Вы скоро познакомитесь с ней, – улыбнулся Ангел. – Она в доме скорби.

– Какой скорби? – Аркадий насторожился. – В тюрьме, что ли.

– В сумасшедшем доме. И вы будете там лечиться, – сказал Ангел, почесав завязанную шарфом щеку.

– Я что, сойду с ума? – с ужасом проговорил он, почему-то веря каждому слову ночного гостя, ну, если и не веря, то не сомневаясь ни в одном из них.

– Вы уже сошли, только еще не знаете об этом. Иначе я бы к вам не приходил.

Несмотря на ледяные руки и ноги, Аркадий смахнул со лба мгновенно выступивший пот.

– Теперь и я знаю, – трагическим голосом проговорил он. – Теперь и я знаю, что я сумасшедший.

– Нет, – покачал головой ночной гость. – Вы проснетесь и не будете ничего помнить. А сейчас мне пора. – Он поднялся и протянул холодную руку. – Прощайте.

Исчез накрытый грязной клеенкой стол со свечей, исчезла посуда с объедками, исчезли табуретки, да и сам Ангел в живописных лохмотьях исчез. Аркадий стоял посреди комнаты, протягивая в пустоту руку, мгновение назад пожавшую ледяную длань Ангела.

<Сумасшедший дом. Сумасшедший дом. – вертелась в голове запечатленная в ней фраза. – Значит, я уже сошел с ума. И любовь моя будет с сумасшедшей?!.. А я ведь завтра

собирался идти туда на экскурсию. Нет уж, теперь точно не пойду. Ни за что не пойду!> Он обхватил голову руками и пошел к кровати. – А еще он сказал, что я все забуду. Нет уж, фиг! – сейчас казалось невозможным забыть то, что сказал гость. Аркадий залез под одеяло, стараясь согреться. – Нет уж, не забуду!>

– Ни за что не забуду, – вслух проговорил он и для памяти завязал под одеялом узлом край своей футболки. Покрепче затянул узел.

Пусть спать будет неудобно. Но теперь уж точно не забуду.

Глава 5

Просоночное состояние

Проснулся я поздно – в половине первого дня. Накидывая халат, заметил, что моя спальная футболка на боку завязана узлом. <Как это мне удалось?!> – подумал я, усмехнувшись, развязал узел и пошел умываться.

С психиатром Алексеем Алексеевичем мы договорились о встрече в четыре часа дня, поэтому времени у меня было навалом. После завтрака сел за письменный стол и раскрыл тетрадь, в которой уже начал делать наброски нового романа, промаялся над ней часа два, но так ничего и не написал. Потом наспех перекусив, отправился в больницу.

Уже захлопнув входную дверь, вспомнил, что забыл тетрадь с начатым романом. Хоть и плохая примета, но вернулся: а вдруг в больнице придется записывать что-нибудь важное?

<Может заодно умывальные принадлежности с собой прихватить, – с иронией подумал я. – Все-таки в дурдом направляюсь>.

На верхнем этаже услышал, нет, вернее – ощутил движение. Я насторожился, захлопнув уже дверь квартиры, некоторое время стоял прислушиваясь.

<Совсем нервы растрепались с этими писательскими исчезновениями. Кирилл со своими догадками окончательно сделает из меня неврастеника. Мне- то чего бояться?>

Психиатрическую больницу я нашел почти сразу. Мрачные корпуса за высоким каменным забором, поверху колючая проволока – наверное, по ней и электрический ток пускают.

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич. Это Аркадий Семенович, мы с вами сегодня договаривались о встрече. Как <не помните>?.. Я же вчера звонил. Ну да, хорошо, жду.

Я положил трубку местного телефона и в ожидании, когда за мной придет врач, уселся на скамью напротив охранной будки.

Охрана психбольницы была серьезная: три бугая с разбойничьими рожами в камуфляже, на боку у одного кобура, второй с автоматом Калашникова через плечо, на поясе граната. Ничего себе?! Похоже, объект повышенной секретности, впрочем, какие у психов могут быть секреты? Строили больницу, как видно, на века: из-за толстой кирпичной стены выглядывал один из ее корпусов с массивными решетками на окнах – не перегрызешь. Да еще такие бравые охранники! Не удивлюсь, если у них в шкафчике найдется пара гранатометов, миномет и базука. Я шел на экскурсию в полной уверенности, что психически вполне здоров, но все же не мог избавиться от отвратительно тоскливого, ноющего чувства тревоги. Психиатрия – наука темная, и в этой темноте может быть все, что угодно. даже я.

– Здравствуйте, Аркадий Семенович, – я вздрогнул от неожиданности, обернулся. Неизвестно откуда передо мной оказался высокий, почти на голову выше меня, широкоплечий человек в белом халате и докторской шапочке. – Извините, что заставил ждать, совсем сегодня замотался, столько дел. столько больных. Прямо эпидемия какая-то.

Мы поздоровались, рука у него была большая, рукопожатие крепкое. Именно таким здоровенным и должен быть психиатр, такой легко сгребет в охапку разбушевавшегося психа и сможет удерживать до того, как принесут смирительную рубашку.

– Замотался, особенно после восьмого марта работы прибавилось.

– Алкогольный синдром? – сказал я, показывая, что тоже кое-что смыслю в медицине.

– Не угадали, весеннее обострение.

Лицо у врача было круглое и плоское, с маленькими глазками, прикрытыми чуть затемненными очечками. Привлекали внимание черные, лохматые брови, вступавшие в противоречие с жиденькой, светленькой шевелюрой.

– Ну что же, пойдете на отделение, – пригласил он взмахом большой ладони.

Миновав охрану, проводившую нас подозрительными взглядами, мы вышли во двор.

– Раньше это была женская тюрьма, но после революции решили соорудить здесь больницу, и очень удачно решили. Посмотрите, какие стены, какие прочные решетки на окнах. У нас пациенты бывают беспокойные, для них такие меры безопасности излишними не назовешь.

Изнутри двора здание действительно впечатляло своей тюремной мрачностью и неприступностью. Впрочем, что здесь можно было разместить, кроме тюрьмы или дурдома! Не пятизвездочный же отель для интуристов.

Мы неторопливо шли через двор.

– У нас в больнице размещена специальная дорогостоящая установка, блокирующая сигнал мобильной связи, – говорил Алексей Алексеевич. – Это ограждает больных от общения с внешним миром, отвлекающего от лечения. В советские времена здесь бессрочно содержали особо опасных для режима больных. Диссидентов разных или тех, кто слишком много знал, и власть не желала, чтобы их знания вышли за пределы больничных стен. По преданию, архитектор этой тюрьмы задумал 1000 камер. Но их оказалось 999. Существовал миф о том, что в тысячной камере он замуровал украденный разбойничий общак. Другой миф гласил, что в эту камеру архитектор приказал замуровать живьем самого себя. Представьте, камер было действительно 999, это не миф – я пересчитывал. И никто не мог найти этой неучтенной камеры. А я нашел!

Последнюю фразу Алексей Алексеевич проговорил не без гордости. Я ощущал себя маленьким недомерком, рядом с этим рослым человеком. Ему, пожалуй, ничего не стоило прихлопнуть меня огромной своей ладонью. Но в движениях его тем не менее чувствовалась какая-то неуверенность и угловатость.

– И что там оказалось? Скелет архитектора?

Алексей Алексеевич улыбнулся плоским лицом и пошевелил бровями.

– Удивительнее, намного удивительнее, – проговорил он загадочно. – Потом сами увидите.

Кое-где по тюремному двору разгуливали и грелись на солнышке предводительствуемые санитарями группы сумасшедших в пижамах.

Миновав двор, мы вошли в одно из зданий красного кирпича, поднялись на второй этаж. Двери на этажах все как одна были без ручек, и Алексей Алексеевич открывал их своей, которую постоянно держал в руке.

– Рассеянный стал, – признался он, проследив за моим взглядом. – Ручки часто теряю. А если она по случайности попадет к больному, неизвестно чего ожидать. Потом гоняйся за ним по всей больнице.

Открыв дверь кабинета, он пропустил меня вперед. Кабинет, как впрочем, и все здание вида был мрачного: тюремные решетки на окнах, напротив письменного стола привинченный к полу стул для буйных. Психиатр и указал мне на этот стул – больше мебели в кабинете не оказалось – сам же уселся за стол в кожаное офисное кресло.

– Чай, кофе?

Алексей Алексеевич кивнул на маленький столик с чайными принадлежностями. Я отказался.

– Ну что же, ну что же. – он блеснул на меня стеклами очков. – Читал я ваши книги. Ну, не все, конечно, не все. Но того, что прочитал, хватило.

– Для чего?

Я возвел глаза к потолку, закинул ногу на ногу и оперся локтем о спинку стула. Я всегда старался принять независимую позу, когда кто-нибудь собирался говорить о моих произведениях. Но здесь на стуле для буйных это оказалось непросто – локоть тут же соскользнул, и тело нелепо скривилось набок. Тут все было устроено для того, чтобы больной не чувствовал себя значительнее доктора, даже если считал себя Наполеоном, Сталиным или Иваном Грозным.

– Да, собственно говоря, для всего. И вот, что я вам скажу, бесценный Аркадий Семенович. Что скажу. – он на несколько секунд остановился, словно потеряв мысль, но потом продолжал, как будто и не выпадал из разговора. – А почему вы занимаетесь именно литературой? Ведь в наше время это не выгодное занятие – оно не несет ни денег, ни особенно известности.

– Видите ли, вопрос это не простой, – я откинул назад голову и снова попытался опереться локтем на спинку стула, но локоть вновь соскользнул, и я, покачивая ногой, продолжал. – Раньше была надежда на известность, поклонниц, большие гонорары, но времена изменились: литература и искусство сейчас никому не нужны. Осталась, пожалуй, только внутренняя потребность. Писатель пишет потому, что не может не писать. Я бы сказал, литература – это судьба.

– Я не просто так интересуюсь, – перебил мои разглагольствования Алексей Алексеевич и, пошевелив бровями, поправил очки. – У вас ведь замечательная, я бы сказал, редкая фантазия. Да направьте вы ее в другое русло, вы смогли бы обогатиться и принести пользу государству.

– Не понимаю, – с некоторым раздражением начал я. – Вам не понравилось, что я пишу? Вы считаете, что это настолько плохо, что мне даже писать не стоит!

В странное русло направился наш разговор. Я ожидал экскурсии по лечебнице, а вместо этого психиатр критикует мои книги. Да по какому праву?! Я же не берусь советовать ему, как шизофреников лечить?

– Ни в коем случае! Не это я, совсем не это, имел в виду, – взволновался врач и даже приподнял из-за стола свое могучее тело. – Как раз таки наоборот, если бы у вас не было литературных способностей, я бы вам этого не говорил.

– Ну, а тогда что?!

– А вот я вам скажу <что>. Некоторые из писателей находятся в просоночном состоянии. Как бы это вам объяснить. Это когда человек просыпается, но не полностью, так сказать, пребывает в <опьяненном сном> состоянии. Пробуждение от сна у него происходит неравномерно, в первую очередь, захватывая низшие функции, а часть мозга, отвечающая за адекватное восприятие действительности, спит. Писатель хотя и понимает, что книги его не приносят никаких денег, все равно, находясь в просоночном состоянии, продолжает автоматически писать и писать, писать и писать все новые и новые книги. У него отключена часть мозга и убедить его остановиться просто невозможно.

– Красивый образ, – сказал я, от удовольствия заерзав на стуле. – В просоночном состоянии находится вся наша литература. Да что литература, вся страна в таком состоянии. Когда проснулись, как вы говорите, низшие функции: выпить, пожрать, за границу съездить, машину купить. Высшие функции мозга, отвечающие за духовность, спят. Хороший образ – <просоночное состояние>.

– Да. – задумчиво проговорил Алексей Алексеевич. – С вами работать и работать. Но это не образ, как вы изволили выразиться. Это диагноз, и к стране он не применим, а вот к писателям даже очень применим!

– Так вы имеете в виду, что я тоже, – я покрутил пальцем у виска, – того?!

– Ну, нет, конечно!.. Вот мы с вами пойдем на экскурсию по отделению, я покажу, кто по настоящему <того>.

Зазвонил телефон, Алексей Алексеевич снял трубку.

– Как?! Приступ?! Опять демонстрирует укусы ангела?! Сейчас буду.

Он положил трубку и некоторое время, шевеля бровями, смотрел на нее. Потом поднял на меня глаза и словно очнулся.

– Ах да, мы же не закончили... Мне срочно нужно отлучиться – у больного приступ.

– А с вами можно?

– К сожалению нет, это очень опасный буйный больной. Наверное ему другие лекарства нужны. – в задумчивости проговорил он сам себе. – Так! Подождите меня здесь, я скоро вернусь.

Алексей Алексеевич поднялся и, озабоченно шевеля бровями, отчего очки его сползли на кончик носа, двинулся к выходу.

– Кстати, – уже открыв своей ручкой дверь, обернулся он, – если чая захотите, пожалуйста. – Он кивнул в угол кабинета, где стоял кулер, а рядом на столике чайные принадлежности. – Будьте как дома.

И вышел, захлопнув дверь.

– Как дома, – вслед повторил я. – Спасибо, уж лучше вы к нам.

Станный у нас с психиатром получался разговор. Даже хорошо, что он отлучился, можно наконец в одиночестве обдумать все, что он говорил. Значит, раз я пишу книжки, то он считает меня не вполне нормальным, находящимся в просоночном состоянии. Но это же полный бред! Если человек занимается творчеством, это говорит о его богатом внутреннем мире. Он просто смотрит на действительность по-другому, не так как серая масса людей, которая бездумно гоняется за деньгами или просто живет примитивной жизнью. По-моему у психиатра самого не все дома. А просоночное состояние – интересный образ. Я достал из-за пояса тетрадь и записал:

<Просоночное состояние литературы>. Поставил точку и дописал: <Страны>.

Но отчего же он не идет? Сказал <скоро вернусь>. Я встал и, подойдя к столику с чашками, приготовил себе кофе.

<В чем-то Алексей Алексеевич прав – ну, разве нормальный человек в наше материальное время будет заниматься тем, что не несет никаких средств для существования. Ради чего? – с иронией думал я. – Ради посмертной славы, которая, как известно, ничего уже не стоит. Конечно, здорово, если твои книги будут читать после твоей смерти. Но тебя то это уже не будет волновать. Слава, деньги и женщины нужны не полуразложившемуся под землей труп, а мне сейчас, такому живому и настоящему. Действительно, что я имею, ради чего ночами не сплю, а все пишу в своих тетрадях, зачеркиваю, опять пишу.>

Мрачные стены бывшей тюрьмы навевали тягостные, соответствующие месту мысли. Интересно, сколько времени? Мой телефон разрядился и не подавал признаков жизни, часов у меня не было.

Нет! Это уже наглость – так надолго уходить! Хотя бы заглянул, предупредил. Сколько ждать-то еще?!

Поставив пустую чашку на столик, я, заложив руки за спину, прошелся по камере: дверь железная с забитым глазком, а там, где сейчас столик с кофе, наверное, размещалась параша. Подошел к зарешеченному окну. Такие решетки точно не перегрызешь. Окно выходило во двор, сейчас там никого не было, дальше за тюремной стеной виднелась часть улицы. Я вдруг ощутил себя узником, навалилась отчаянная тоска.

Из хозяйственной одноэтажной постройки вышел человек в белом халате и двое в пижамах с алюминиевыми баками для варки. Они погрузили баки на тележку и повезли через двор. Дальше за забором раскинулась воля, там жили свободные люди, они бродили по улицам взад-вперед, кто куда хотел. Со своими заботами и проблемами, которым ни за что не пробиться за массивные стены, и это была не изолированность, а защищенность от внешнего враждебного мира, по которому рыщут маньяки, похищающие писателей. Уж отсюда-то меня точно никто не выкрадет! От такой мысли мне вдруг стало удивительно легко и спокойно.

Я сел в кресло главврача и положил ноги на стол.

Я проснулся от странного звука, спросонья не сразу поняв, где нахожусь. А когда понял, тут же вскочил. Кто-то пытался открыть дверь с другой стороны.

Дождался! Доктор.

Еще некоторое время за дверью безуспешно пытались открыть замок. Наконец это удалось. Дверь приотворилась, в щель заглянула чья-то растрепанная голова и оглядела кабинет.

– Нет никого, – громким шепотом сказала голова. – Давай скорее.

В кабинет вошли двое мужчин в больничных пижамах, один – среднего роста лет тридцати пяти, волосы на его голове торчали в разные стороны; второй – маленький и совсем лысый. В руках они держали по металлической эмалированной кружке. По-разбойничьи озираясь, они подошли к столику, на котором стояли кофейные принадлежности и щедро насыпали в свои кружки кофе.

– Все равно не заметит, он обычно ничего не замечает, – сказал маленький.

– Пошли. Ужин скоро, – сказал растрепанный, дернув товарища за рукав.

Я стоял тут же, совсем близко, но меня почему-то не замечали, а мне с пациентами больницы говорить было не о чем, да и не очень хотелось.

– Еще сахару возьму, – сказал лысый, кинул себе в кружку пять кусков, потом задумался на секунду и добавил еще два.

– Ну, пошли, пошли. – тянул его за рукав взъерошенный.

Лысый напоследок взял еще один кусок, вдруг повернулся ко мне, недвижимо стоящему возле стола, и, показав короткий указательный палец, голосом Саида из фильма <Белое солнца пустыни> сказал:

– Не говори никому, не надо.

– Да отстань от него, это сумасшедший, кинется еще. – снова дернул его за рукав взъерошенный, они, перешептываясь, вышли из кабинета и захлопнули дверь. Я продолжал стоять словно окаменевший.

<Почему это я сумасшедший?! Сами они придурки! – зло подумал я. – Да и вообще, где этот врач несчастный! Припадочный закусал его, что ли?> Я посмотрел в окно. На улице было темно, слишком темно для начинающих белых ночей: горели фонари, шел мелкий дождь. Сколько же времени? Машинально достал из кармана брюк телефон, с надеждой на чудо посмотрел на его окошечко, но и в этом окне было темно – как назло забыл зарядить. Я снял трубку стационарного телефона, стоявшего на столе, судя по гудку телефон местный. Куда бы позвонить?.. Списка местных номеров, который обычно приклеивается к стене или плющится настольным стеклом, не было. Не убирая трубки от уха, выдвинул ящик стола. Там лежали какие-то папки. Выдвинул второй и, увидев на его дне свою книгу, улыбнулся. Я задвинул ящики и наугад набрал сто. На первый же гудок трубку сняли и добродушный женский голос объявил:

– Пятое отделение, дежурная сестра слушает.

– Здравствуйте, – начал я. – Я бы хотел поговорить с Алексеем Алексеевичем.

В трубке молчание, не доброе какое-то молчание.

– С каким Алексеем Алексеевичем?

– Ну, не знаю фамилии, – я растерялся.

– Он тут начальник отделения.

– Кто это балуется-то? Ты что ли, Андрейка?

– Да нет. я посетитель. Пришел, как бы сказать. ну, на экскурсию что ли. – меня бросило в жар. –<Что за глупость я несу?!> – я с трудом подбирал слова и терялся. – А он ушел, я у него тут в кабинете заперт. Можно его найти как-нибудь?

– В кабинете, говоришь? – с какой-то издевательской иронией проговорила дежурная медсестра. – Ну, подожди еще немного, но если это ты, Андрейка, готовь жопу – на серу посажу.

И тут же короткие гудки отбоя.

– Вот, черт!

Ну, попал! Может, еще куда-нибудь позвонить – у меня не было уверенности, что меня правильно поняли.

Я снял трубку и набрал двести. Трубку подняли только на четвертый гудок.

– Девятое отделение, дежурный санитар слушает. На этот раз голос был мужской.

– Здравствуйте, меня тут заперли случайно в кабинете Алексея Алексеевича. Можно его разыскать как-нибудь? – выпалил я, заранее подготовившись к разговору.

– Ты, что ли, Андрейка, опять балуешься? – подобрешим голосом сказал санитар. – Я тебе яйца-то накручу.

– Я тебе сам яйца накручу, – зло сказал и бросил трубку.

Разговоры с обслуживающим персоналом дурдома как-то не клеились, и что теперь делать я совершенно не представлял. А вдруг он вообще сегодня не вернется, может, он уже дома ужинает?.. Сволочь! От этой мысли меня бросило в пот. Что же здесь ночевать в этой сумасшедшей тюрьме оставаться? И зачем я вообще идти сюда согласился? Знал же, что ничем хорошим не кончится. Вот придурок!

<А если мне в туалет захочется?! Что тогда делать? – со злобой подумал я. – А ведь действительно придурок!>

Я подошел к двери и, наклонившись к замку без ручки, своим ключом попробовал его повернуть, но у меня ничего не вышло. Тогда взяв с кофейного столика ложку, при ее помощи постарался открыть замок.

Мне бы только из кабинета выбраться, а там найду способ из психушки убежать.

Я стоял на коленях, стараясь открыть изогнувшейся ложкой замок, когда вдруг услышал из-за двери женский голос.

– Кто там с замком балуется? Ты, что ли, Андрейка?

Меня снова принимали за какого-то Андрейку.

Ничего хорошего это не предвещало.

– Меня Алексей Алексеевич случайно запер, – повысив голос, сказал я через дверь, поднимаясь с колен. – Вы не могли бы мне помочь?

Замок щелкнул, дверь открылась, в кабинет вошла грузная женщина в белом халате с полиэтиленовым пакетом в руке.

– О! – сказала она с доброжелательной улыбкой. – Тебя, милый, заперли, а ты и перепугался. А я думала – Андрейка, шельмец. Везде успевает!

– Я тут к Алексею Алексеевичу. – начал объяснять я, но женщина меня прервала.

– Он всегда всех забывает, сколько раз больных в кабинете запирает. А ты еще и без пижамки. На вот, надевай.

Санитарка достав из пакета протянула мне пижаму и тапочки без задников.

– Мне же сначала с Алексеем Алексеевичем нужно поговорить! – возмутился я, понимая, что серьезно меня, кажется, не воспринимают.

– Поговоришь, поговоришь. Вон он, на отделении, – я же не могу тебя в таком виде пустить, – она оглядела меня с ног до головы. – Ты мне всех больных перепугаешь.

Она принимала меня за психа – это точно. Но как быть в этой ситуации и как ее переубедить, я не представлял.

– Нет, не буду переодеваться, мне нужен Алексей Алексеевич, – твердо сказал я.

– Да я же тебе говорю, на отделении он. Гриня! Слышь, Гриня! Иди, помоги – тут мальчик артачится, одеваться не хочет! – вдруг крикнула она в открытую дверь.

В кабинет вошел санитар с засученными рукавами докторского халата. Ростом он был не велик и вовсе не широкоплеч, но при первом же взгляде на него я понял сразу, что такой уговаривать и рассусоливать со мной не станет.

– Я бы хотел с Алексеем Алексеевичем. – начал я упавшим голосом.

– Давай, родной, давай одеваться.

Гриня, привыкший ко всякому бреду, не слушая, тут же стал расстегивать мою куртку.

Я был в отчаянии. Понимая, что все пропало, вырваться, кричать, убежать бессмысленно. Я в психушке, и во мне никто, совершенно никто не видит и не желает видеть нормального, здорового мужчину. Никогда подобной ситуации в моей жизни не было, и я стал раздеваться. Имелась еще слабая-преслабая надежда, что толстая санитарка не обманула, и Алексей Алексеевич ждет меня на отделении. Чтоб он сдох!.. А, может быть, действительно он с психом возится? Переодеваясь под надзором санитаров, я убедил себя в том, что Алексей Алексеевич ждет меня для проведения экскурсии. И вот даже санитаров с пижамой за мной послал. Больше нечего было делать, как самому поверить в эту чушь.

Гриня с санитаркой дождалась, когда я переоденусь. Она взяла мои вещи, положила в мешок, спросив мою фамилию, написала ее на бумажке, приклеила к мешку и уложила туда вещи.

Гриня посмотрел на бумажку с фамилией.

– Писатель такой есть, – сказал он. – Я его книжку читал <Роман о любви, об идиотах и утопленниках>. Про наших, про психов книжка.

– Да, это я написал. – сказал я, глядя на Грину с надеждой во взоре.

– Ха! – Гриня заржал и хлопнул меня по плечу. – У нас таких писателей много! Ничего, вылечим! Будешь, как огурчик!

– А он и так у нас огурчик, – с любовью оглядывая меня, сказала санитарка. – Ручку-то с тетрадкой ты с собой на отделение взять можешь. Ручку-то с тетрадкой не воспрещается, – увидев в моей руке тетрадь, сказала она.

– Куда его, на девятку? – ехидно ухмыльнулся Гриня.

– Да ты что?! – приняв всерьез, испугалась санитарка. – На девятке ж совсем придурки! А он парень вроде ничего, давай на четвертое его.

<Ну, уж хоть не совсем к придуркам, и то радость.> – подумал я со злостью.

Мы прошли через небольшой холл, Гриня открыл какую-то дверь и втокнул меня внутрь.

Глава 6 Геморрой

Я стоял в длинном коридоре. По нему туда-сюда ходили умалишенные люди без определенного маршрута, возможно, у них в голове и был проложен маршрут, но посторонним казалось, что ходят они без смысла.

Вот, черт! Как это меня сюда забросило?! Кружилась голова, должно быть, от пережитого потрясения. Среди умалишенных я заметил мужчину в белом халате и подошел к нему.

– Новенький? – сходу определил он. – Не бойся, у нас хорошо.

– Я бы хотел поговорить с Алексеем Алексеевичем.

– С каким Алексеем Алексеевичем? – поднял брови санитар.

– Алексей Алексеевич. – я растерялся, не зная, что ответить. – Ну, он главврач отделения, этого.

– А! Главврач Алексей Алексеевич Грякалов.

– Так его нет.

– А когда будет?

– В понедельник.

– В понедельник? – растерянно повторил я – А сегодня какой день?

– Сегодня пятница.

– Пятница!!! Да вы что?! – почти закричал я. Двое ближайших умалишенных шархнулись в сторону, санитар напрягся, готовый в любой момент броситься на меня. – Пятница. – повторил, взяв себя в руки. – Как же пятница-то? А понедельник когда? – я понимал, что несу какую-то ахинею, но в том состоянии, в котором я находился, мне было простительно.

– Э! – санитар остановил семящего мимо лысого дурика в пижаме. – Объясни человеку, когда понедельник, – и пошел, поигрывая дверной ручкой.

– И-и-и. – заулыбался дурик, но объяснять ничего не стал, а полез корявым пальцем мне в бороду, я отбил его руку, и охренело осмотрелся по сторонам.

Я стоял в больничном коридоре, по обе стороны которого располагались двери палат, вернее дверей как таковых не имелось, остались только дверные коробки. Мимо прогуливались люди в пижамах и халатах.

<Вот, черт! Вот влип!> – даже страшно подумать, куда влип. Нельзя было допустить того, чтобы меня заставили переодеться и отвести сюда. Нельзя! Нужно было драться, царапаться, кусаться!.. Но только не это! Не это!!! Так тоскливо мне не было никогда в жизни, и никогда в жизни мне так не хотелось повеситься.

Я не замечал здесь ни одного нормального человека. Среди больных встречались лица с явной умственной отсталостью, озабоченные чем-то либо горделивые, но больше всего раздражали улыбающиеся и доброжелательные, а таких оказалось немало. Они сейчас меньше всего подходили моему настроению. Так и хотелось дать кому-нибудь из них оплеуху.

Через проем, ведущий в палату, низко наклонившись, чтобы не удариться о косяк, вышел человек в больничной пижаме неестественно высокого роста – почти в два раза выше любого из больных. Он был настолько велик, что при желании мог бы дотянуться рукой до люстры. Умело маневрируя среди гуляющих сумасшедших, гигант исчез за углом.

<Что за чертовщина, – подумал я, помотав головой. – Что со мной?.. Нет, нужно взять себя в руки. Взять в руки.>

Для начала решив исследовать отделение психбольницы, я не верил, не хотел верить, что Алексей Алексеевич не вспомнит обо мне. Ведь каким бы он ни был рассеянным, он обязательно должен вспомнить о человеке, запертом в его кабинете. А если нет?! Ведь сегодня, когда я звонил ему по телефону, он не вспомнил, что договаривался со мной о встрече. Нужно было

что-нибудь оставить у него в кабинете, какое-нибудь напоминание о себе – разгромить чайный столик или нагадить у него посреди кабинета. Он бы вляпался и подумал: <Откуда это здесь?> и меня бы тут же вспомнил. Похоже, я здесь и мыслить начинал по-другому.

Я понимал, где нахожусь, и подходить к санитарам, качать права, требуя немедленно вызвать дежурного врача, здесь не проканает. Чего доброго еще замотают на все выходные в смирительную рубашку или лекарствами накачают успокоительными, а потом доказывай, что ты нормальный. Единственно правильным оставалось ходить среди психов, как ни в чем не бывало, прикидываясь своим. А уж потом, когда появится Алексей Алексеевич, высказать все, что о нем думаю.

Я медленно брел среди больных, стараясь по случайности никого не задеть. Это, правда, удавалось не всегда. Некоторые психи нарочно, но как бы невзначай пихали меня, и мне становилось не по себе. А вдруг накинется всей гурьбой, и что тогда делать?

Еще утром я не представлял, что чувствует герой, попавший в психиатрическую больницу, и вот у меня появилась такая уникальная возможность, ведь я собственно к этому и стремился, но сейчас меньше всего хотел описывать свои чувства.

– Чего прешь, борода! – передо мной остановился громадный человек с большущим животом и густой бородой, голос у него был зычный, как иерихонская труба. Шизики бросились врассыпную. – Я им говорю, у меня холестерин в норме, гемоглобин в порядке. У меня билирубин в моче такой, какого билирубина ни у кого в моче нет. Отчего лечите, придурки?! А они мне – от геморроя! Да разве ж от геморроя месяц лечат? Геморрой-то у меня с гулькин нос. Щас, покажу?!

Он стал спускать пижамные штаны, но я протестующее замахал руками и, обойдя его, ускорил шаг.

– Борода!! – кричал мне вслед огромный мужик. – Борода!!

Но я не оборачивался. <Почему борода, какая же у меня борода? Так, жиденькая борода>.

Свернув за угол, я оказался в столовой, где стояли накрытые клеенками столы. Но сейчас тут никто не обедал, только за несколькими столами сидели больные: за двумя играли в шахматы, за третьим – в морской бой, а за четвертым – просто смотрели друг на друга с ненавистью.

Подошел к шахматистам, предполагая, что в их в головах большее количество здравого смысла, но ошибся. Играли они вдумчиво, подолгу замирая над каждым ходом, но я никак не мог понять смысл игры, потому что фигуры переставлялись у них в любом порядке и в любом направлении. Прошло несколько минут, прежде чем я догадался, что они не играют, а просто двигают фигуры как попало и кто какую хочет, а единственное шахматное правило, которое строго соблюдалось, это то, что совершали они ходы по очереди. Перешел к другому столу – происходившее за ним больше напоминало шахматную игру. Двое игравших показались мне знакомыми. Хотя откуда здесь взяться знакомым?! Первый – взъерошенный, лет тридцати пяти, в пижаме был широкоплеч и худ, второй – небольшого роста, лысый, лет сорока. Третьего в расчет можно было не брать, судя по бессмысленному выражению лица, открытому рту и тому, как он неотрывно следил за фигурами на доске, будто ожидая, что они разбегутся от участия в интеллектуальной игре не принимал, а был так, для мебели.

– Ну, чего смотришь, дурилка картонная? Подскажи, как победить, – сказал лысый, бросив на меня взгляд.

Придурок, сидевший рядом, приняв это на свой счет, сладострастно высунул язык и потянулся к фигурам. Ему тоже хотелось передвинуть что-нибудь на доске, но лысый дал ему по руке, и придурок успокоился.

– Да это сумасшедший, которого мы в кабинете заведующего видели, – сказал взъерошенный, даже не посмотрев в мою сторону.

И тут я их узнал.

– Ферзь Е-семь, – сказал я, оценив обстановку на доске.

– Играешь? – спросил взъерошенный и почесал за ухом.

– Немного.

– А я думал, ты совсем дурик, – он окинул меня взглядом. – Вид у тебя. – окинув меня взглядом, он покрутил пальцем у виска, – как у всех новеньких, – взгляд его вдруг переменялся, сделавшись напряженным и подозрительным. – А почему ты к нам подошел?

– Да так. Смотрю, в шахматы играют.

– Ладно, поверим. Андрей меня зовут.

Лысого звали Жорик. Придурок с открытым ртом, наблюдавший за игрой, подскочил и, добродушно улыбаясь, тоже протянул руку. Я пожал ее и назвал свое имя, но придурок только молча улыбался и тряс, и тряс мою руку.

– Отпусти его, Дурашлеп! – прикрикнул на психа взъерошенный, и тот тут же отпустил.

– Его Дурашлеп зовут, – сказал лысый, улыбаясь. Глядя не него, я понял, что и лысый и взъерошенный, хоть и играют в шахматы, но тоже не в своем уме. Не так, конечно, как Дурашлеп - просто полудурки.

Мы сыграли партию с Андреем. Я довольно быстро выиграл, хотя ему и помогал Жорик, -сказался опыт игры с соседом. Шахматы отвлекли от печальных мыслей. Я смотрел на Андрея и не мог отделаться от чувства, что уже знал его раньше, еще до больницы.

– Будешь учить меня играть в шахматы. А то Жорика в понедельник выписывают, – кивнул он на лысого. – Медицина против него оказалась бессильна. Ты в какой палате устроился?

– Не знаю пока.

– Тогда ляжешь рядом со мной. если шпионить не будешь.

Что означали его последние слова, я не понял: в этой больнице анализировать высказывания и действия больных людей было делом неблагодарным. Что с них возьмешь, кроме анализа. Они и попали сюда, потому что слова и действия их не поддавались логическому анализу.

Андрей подошел к санитару, с которым я уже имел неудачную беседу. Тот стоял, привалившись плечом к стене, и без тени интереса следил за больными. Поговорив с ним о чем-то, вернулся за стол.

– Договорился, – ляжешь рядом со мной. Это Дмитрий Иванович, санитар, нормальный мужик. Пошли, палату покажу.

Он повел меня на экскурсию, а Жорик под приглядом Дурашлепа остался сам с собой играть в шахматы.

Палата была на пятнадцать койко-мест. Кровати стояли в два ряда близко друг к другу, так что между ними помещалась только тумбочка. Больным не возбранялось лежать до отбоя, чем многие и пользовались. Моя койка оказалась у окна в середине ряда, на ней сидели двое больных и с искаженными злобой лицами, вцепившись друг другу в волосы, о чем-то самозабвенно спорили. Андрей, должно быть, бывший среди дуриков в авторитете, прогнал их подзатыльниками. Переругиваясь, больные удалились в коридор продолжать спор.

– Ты не дрейфь. Шизики народ тихий, смирный, у нас здесь и буйных-то раз-два и обчелся, – он уселся на свою кровать напротив меня, колени наши почти соприкасались. – А у тебя какой диагноз? Ты сам-то не буйный? – вдруг встревожился он. – А то придушишь ночью.

– Какой диагноз сам не знаю. Никакого, вроде. – и почему-то добавил: – Пока.

– На <скорой> привезли? Вешался?

– Нет, – пожал я плечами. – Но очень бы хотелось.

Станным образом Андрей, поначалу выглядевший шизик-шизиком, в процессе разговора приобретал черты человека нормального. Я уже не видел ни в лице, ни в движениях того, что сколько-нибудь насторожило бы меня. Андрей даже начинал нравиться, во всяком случае, он выглядел здесь самым нормальным, после меня, конечно. Понимая, что больше мне поделиться своим горем не с кем, я поведал ему свою историю. Что я писатель, приехал на экскур-

сию в больницу, а экскурсия получилась такая вот странная, и сейчас я не вижу в будущем ничего хорошего, и мне остается только вытащить из пижамных штанов резинку и удавиться на ней в туалете.

– Ну, во-первых, хрен ты тут на резинке удавишься, потому что ее даже привязать не к чему, иначе тут бы все психи давно перевешались – ты же не в санатории. А во-вторых, чего тут плохого? Если ты, конечно, не законспирированный враг и не выдумал всю эту историю. Ты пойми, тебе как писателю этот опыт очень даже пригодится. Лежать тут нормально, кормят, делать ничего не надо, а надо делать только то, что хочешь: хочешь – спать ложись, хочешь – песни пой. Так бы жил любой! Просто еще не все знают, что здесь такой кайф. А так бы уже поперли толпами. Я сам сначала артачился, ложиться не хотел, думал в Крым вместо дурдома поехать, а потом смотрю – нормально! Чем не жизнь?! Привыкнешь.

– Да я не хочу привыкать! – воскликнул я. – Мне домой нужно!

– О! Борода! – гигант в пижаме остановился возле моей кровати. – Я тебе геморрой еще не показал!..

Андрей вскочил и бесстрашно бросился на дремучего громилу.

– Пошел! Пошел, Геморрой, отсюда! У нас своего геморроя хватает! – закричал он на мужика и затолкал, затолкал его ручонками в могучий живот. И хотя этот гигант мог бы одним ударом кулака снести Андрея или, хлопнув сверху, для смеха вбить его голову между плеч, но вместо этого захныкал, как ребенок, и попятился, и попятился. и, помня обиду, плача пятился до двери, хотя Андрей уже уселся на прежнее место.

– Ничего себе! Ты их не боишься. Мало ли что замкнет в башке, – с уважением сказал я.

– А чего их бояться-то. Это же психи, – аргументировал бесстрашие Андрей. – Ну, короче. Я здесь в дурке тоже не просто так прохлаждаюсь, я тут на задании. – он внимательно и с подозрением посмотрел на меня, – но тебе пока об этом не скажу. Не доверяю я тебе. Всем новеньким не доверяю, – и, подумав, добавил: – И стареньким тоже.

Наверное, зря я поторопился причислить Андрея к нормальным. Нужно быть с ним поосторожнее.

– А если тебе так уж нейдет, до понедельника выписаться могу посодействовать.

Он хитро смотрел на меня.

– Я тоже думаю, что раз ты с санитаром в нормальных отношениях, то, может, объяснишь ему про меня, расскажешь, как все было. Пусть примет меры.

– Это глухо, – авторитетно заявил Андрей и почесал за ухом. – Подумают, что я историю эту выдумал. Мы в дурдоме и должны жить по его законам, объяснения здесь не прокатят. Есть только один путь, я его для себя разрабатывал, но тебе вижу нужнее. Через отделение я тебя проведу, у меня ручка стыбжена, потом через женское... по лестнице... до забора. Ты как, по деревьям лазать умеешь?

– Да, нормально.

Он встал, подошел к окну, я тоже поднялся.

– Видишь, дерево растет близко к забору?

– Ну, вижу.

– Залезаешь на это дерево, прыгиваешь на забор, а оттуда на улицу. Стена метра три, в крайнем случае, сломаешь ногу. Но это фигня, срстется.

– А колючая проволока? Я же с дерева прямо на колючку попадаю.

– Вот это-то ерунда. Напряжение по ней пускают с одиннадцати вечера до девяти утра, поэтому нужно только днем. Если бы ночью можно было перелезть – все бы психи давно разбежались.

– А через охрану никак? – упавшим голосом спросил я.

– Ты что того? – он покрутил пальцем у виска. – Там такие псы с лицензиями и пистолетами, ни одного психа живым не выпустят. Военные секреты охраняют. Ну чего, решайся.

– Ладно, давай попробуем, – нехотя согласился я.

Мысль о том, что мне придется провести здесь два лишних дня, повергала меня в ужас. Хорошо, что хоть встретил здесь родственную душу. Интересно, он сам то с каким диагнозом лежит?

– Тогда завтра после обеда – лекарство примем, и двинули.

Удивительно, но мне казалось, что я знаю этого человека давно, может быть несколько лет.

Андрей рассказал мне о больничной жизни. Оказывается четвертое отделение, на котором мы лежали, граничило с девятым, но на ночь двери закрывали, чтобы не было перетекания бредовых идей. Девятое отделение экспериментальное, но намного страшнее любого буйного, где психов превращают в овощи. На девятке над больными производят какие-то бесчеловечные научные опыты, поэтому и видом они отличаются от других ненормальных. Но чем именно отличаются, Андрей объяснить не мог, потому что сам никогда их не видел, кроме одного, а все кто попал на девятое отделение считаются людьми обреченными. После опытов, которые над ними производят, они уже не люди, а какие-то совсем другие существа. Дверь между отделениями открывают только для вида, мол путь свободен, иди куда хочешь, а на самом деле у двери санитар с дубинкой резиновой и электрошоком дежурит. Только выйти попробуешь – тебе – бац! – дубинкой по кумполу. Свобода условна.

В палату заглянул санитар Дмитрий Иванович и объявил отбой.

Но одному все-таки убежать удалось, и когда мы легли в постели, рассказал Андрей такую историю:

<Первое время я лежал в другой палате, сюда меня перевели недавно. Однажды ночью я проснулся от странного шума, словно кто-то чистил ножом рыбу. Я поднял голову и осмотрелся. В палате над дверным проемом горела лампа, ее всегда оставляли на ночь, чтобы сумасшедших было видно дежурному санитару или, если псих проснется, то не пугался, а сразу видел, что он дома. Моя койка стояла у стены. Психи спали, на ночь им выдавали снотворное, так что среди ночи они просыпались редко, я же предпочитал здоровый сон и свою таблетку выплевывал в унитаз. Шебуршание то затихало, то возобновлялось вновь. Некоторое время я сидел, прислушиваясь, пока не понял, что звук доносится из-под кроватей – кто-то медленно полз по полу, шурша пуговицами пижамы по линолеуму. Через некоторое время возле моей койки показалась лысина и спина ползущего по-пластунски человека. Я взял его за шиворот и слегка приподняв, заглянул в лицо. Тогда спросонья мне не пришло в голову, что у человека может быть психический приступ и от него можно ожидать чего угодно, даже нанесения вреда моему здоровью.

– Ты кто такой? – шепотом спросил я.

Мужик был лет шестидесяти в круглых очечках, лысый, с усами. Лицо его показалось как будто знакомо, кого-то он мне напоминал, но я не мог вспомнить кого, на лице этом были написаны ужас и паника. Он казался испуганным настолько, что не мог выговорить ни слова.

– Спокойно, Кент. Я не псих – не обижу. Ты чего под мою койку ползешь?

– Не выдавайте меня, умоляю вас, – наконец найдя в себе силы, прошептал он, обливаясь потом.

– Не выдам. Говори, чего здесь шпионишь?

От двери раздался шум и в палату заглянул дежурный санитар, я тут же отпустил психа, и он приник к полу.

– Чего не спишь? – спросил санитар.

– Да в туалет собрался, – сказал я и, надев тапки, пошел в туалет.

Когда вернулся, на полу никого не было. <А не причудился ли мне шизик ползучий?> – подумал я и, встав на четвереньки, заглянул под кровать. Нет, не причудился: человек лежал

под панцирной сеткой, сжавшись всем телом, и полными страха глазами смотрел на меня через круглые линзы очков...

– Не бзди, – приободрил я его. – Тебя как зовут?

– Меня зовут Тринадцать Тринадцать.

Вижу, человек не в себе – числами говорит. Подвинув матрас на край кровати, я лег на живот, в образовавшуюся между стеной и матрасом щель смог поговорить с ним.

– А почему ты цифрами себя называешь? – спросил я. – Имя-то у тебя имеется?

– У нас на отделении всех называют числами. Свое имя я стараюсь забыть, да и вам лучше его не знать, иначе вы можете навлечь на себя большую беду. Пусть я буду и для вас Тринадцать Тринадцать.

– Ну и ладно, – говорю. – Мне пофиг, буду называть тебя Тринадцать Тринадцать. Так даже прикольно.

С этой ночи Тринадцать Тринадцать стал жить под моей кроватью. Сбежал он с того самого загадочного девятого отделения. На том отделении действительно происходили странные дела. Какие именно Тринадцать Тринадцать не рассказывал, опасаясь, что мне потом не поздоровится. Мужик он был неплохой, хотя и псих. Тринадцать Тринадцать ужас как боялся возвращаться назад. Он говорил, что с ним там такое вытворяли, что страшно пересказывать. Вечерами, когда я ложился в постель, он нашептывал всякие захватывающие истории из жизни исторических личностей, прочитанные, наверное, им в газетах, а я приносил ему часть своего пайка, чтобы он с голоду не помер. В туалет он ходил ночью, когда санитары спали. Так мы и жили.

Тринадцать Тринадцать провел у меня под кроватью целую неделю, многие больные знали о нем, но не выдавали: у сумасшедших сильно развито чувство взаимовыручки, на зверином уровне. Обнаружили его случайно, когда я был на обеде – нянечка пришла менять белье и нашла его под кроватью. Что тут началось! Набежали санитары с дубинками, замотали его в смирительную рубашку, хотя он и агрессии- то никакой не проявлял. Судя по всему, он был человеком особо опасным: я не видел, чтобы из-за кого-нибудь собиралось столько санитаров и врачей. Даже когда сбежал серийный убийца Копченый со спецотделения, столько переполоху не устраивали. Вечером перевернули все палаты – искали сообщников>.

– Вот, какое это девятое отделение. Понял? Хуже всякого буйного, – закончил он, сооротив таинственную гримасу.

Меня не сильно тронул его рассказ: больше всего меня сейчас волновало другое – как пережить эту ночь.

– Андрей, а несчастных случаев или нападения на людей не случилось? Ну, ночью, мало ли кого придушат или глаз во сне выколют? – расстилая постель, спросил я.

– Не-а, – помотал головой Андрей, стягивая пижамную куртку. – Уже два дня не было. Ну, а раз ты здесь, может сегодня будет.

И заржал.

Лежа в полумраке на скрипучей панцирной кровати, я испытал странное ощущение, будто все это уже было со мной, что я вот так уже лежал в больничной палате и здесь уже не первый день, месяц, а может быть год. И скрипящие кроватями, бубнящие что-то во сне сумасшедшие – старые мои знакомые, и я их старый знакомый. Лежать было удобно, спокойно и радостно, как в детстве.

Я достал из-под матраса свою тетрадь, карандаш и в тусклом свете дежурной лампочки стал писать роман. Теперь я уже знал, что писать, хотя и не знал, что будет дальше.

Глава 7

Явление ангела

Аркадий внезапно открыл глаза. Он не знал, почему это сделал, а когда открыл – понял. Напротив на кровати лежал сумасшедший и в свете тусклой дежурной лампочки неотрывно на него смотрел. От этого тяжелого, пристального взгляда он проснулся и, сразу вспомнив, где находится, напрягся, готовый в любой момент отразить нападение. Больной в пижаме лежал поверх одеяла, не проявляя никаких признаков агрессии, просто смотрел, но расстояние между кроватями было настолько мало, что захоти он, то, протянув руку, запросто мог схватить Аркадия за нос. Можно, конечно, перевернуться на другой бок и преспокойненько спать дальше, но иметь за спиной не моргающего психа было страшновато.

– Ну, чего уставился? – вызывающе спросил Аркадий.

Псих многозначительно молчал. Аркадий вглядывался в его лицо, но рассмотреть не мог: на темном лице поблескивали только глаза.

– Ну, чего смотришь? – снова спросил он с агрессией в голосе. – Давно не получал?..

– Я не смотрю, просто лежу с открытыми глазами, – сказал сумасшедший.

Что-то знакомое чудилось в его голосе и лице, Аркадий, привстав на локоть, вгляделся. Это был Ангел со шрамом.

– Фу-ты, как вы меня напугали, – сказал он, укладываясь обратно на подушку. – Я думал, псих какой-нибудь. А вы то чего здесь делаете?

– Лежу, – ответил Ангел со шрамом.

– А что Ангелы разве сходят с ума?

– По представлению людей они изначально сумасшедшие, если бы Ангелы жили среди людей, то они жили бы именно в сумасшедшем доме, а вас бы всех выписали. Безумие относительно и не всегда несчастье.

– А я вот видите не ангел, а попал в психушку, теперь нужно как-то отсюда выбираться.

– Что же вам не нравится? Ведь здесь рядом с вами Франц Кафка и Николай Гоголь, Эдгар По и Джонатан Свифт. Тысячи ваших коллег, создавших шедевры мировой литературы. Для каждого творца удача вступить в мир гениальных предшественников, образов и галлюцинаций, мечтаний и снов. Неужели это не счастье для писателя попасть в мир своих творений, говорить с героями, которых он сам же и создал. В каком еще месте на земле можно попасть в свою собственную фантазию? Да это мечта любого писателя! Ведь где-то здесь витают души великих мыслителей и философов, фантазировавших и обдумывавших в этих стенах лучшие свои творения: Гете и Акутагава, Ницше и Гаршин. Неплохая компания для молодого сочинителя. Ведь верно?

Ангел сел, спустив босые ноги на пол.

– Ну, как же, – Аркадий тоже сел напротив и тоже спустил ноги на пол. – Ведь безумие – это страшно!

– Это страшно со стороны, из, – Ангел кивнул на окно, – так называемого <нормального мира>, здесь все приобретает иное звучание, тут все безумны, поэтому все не удивительно и не стыдно. Здесь аура свободы фантазии и движения.

Ангел со шрамом поднялся, вышел в проход между кроватями и вдруг сделал балетное па, вспорхнул, грациозно развел руками, подпрыгнул и, сотворив два фуэте на пальчиках босых ног, сел на прежнее место.

– Вы можете вслух разговаривать со своими героями, фантазировать, сочинять самые невероятные образы и записывать их в свою тетрадь. А если надоело писать – танцевать, петь, и никто не скажет, что вы сошли с ума, даже чисто риторически.

– Да-а, – грустно протянул Аркадий, – если бы еще санитаров и врачей не было.

– Ну, вы хотите слишком многого! Идеала. Но мир так устроен, что в нем обязательно должны быть какие-то неприятные личности, чтобы жизнь не казалась уж слишком хорошей. Расценивайте попадание в психбольницу не как несчастье, а как будто вам улыбнулась удача. А вам действительно улыбнулась удача, с этой больницей у вас будут связаны лучшие дни вашей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.